

**Дорогой Валентин Васильевич! Сердечно поздравляем с 85-летием!
Новых стихов, отличного самочувствия, радости, бодрости и энергии!**

Валентин Васильевич Сорокин – поэт. Родился 25 июля 1936 года на Южном Урале. Около 10 лет проработал в 1-м мартене Челябинского металлургического завода. Член Союза писателей с 1962 года. В 1965 году окончил Высшие литературные курсы. Вёл отдел поэзии в журнале «Волга» (1965–1967), отделы публицистики, поэзии в журнале «Молодая гвардия» (1967–1970). Был главным редактором издательства «Современник» (1971–1981). Руководил Высшими литературными курсами в 1983–2014 годах. Лауреат Государственной премии России, Международной премии им. М. А. Шолохова, Всероссийской премии им. С. А. Есенина и др. Живёт в Москве.

ЛЮБОВЬ МОЯ

Я по орбите прожитой вращаюсь,
Тоску обид напрасных затая.
Вот скоро я с тобою попрощаюсь,
Любовь моя, поэзия моя.

Звезда моя над перелеском дрёмным,
Мучение внезапное и страсть,
Ты в океане, грозном и огромном,
Вела меня и не дала пропасть.

Я нищим был, но богател тобою,
Бессильным был, но побеждал тобой,
Глухим, но слышал рокоты прибой,
Слепым, но видел край свой голубой.

Жена моя и вечная невеста,
Мгновенное бессмертие моё,
И потому напротив солнца место
Не чьё-то, а действительно твоё.

Тропа до Богородицы торима
Тобой,
и путь к распятию торим,
И не судьба моя неповторима,
А свет очей твоих неповторим.

Во времени, чужом и мракобесном,
Я ветер зла перечеркнул крестом,
Я осенён твоим крылом небесным,
Твоим спасён от гибели перстом.

МЕЖ ЗВЁЗД

Порой замыканною бабой
Я громко заревел бы в ночь.
Но сильному не может слабый
И в одиночестве помочь.

Живым страданье не чужое,
И знает гибельная мгла:
У сильного крыло большое
И взмах тяжёлого орла.

На высоте последней круга
Пусть отрезвит меня гроза.
Я не хочу глазами друга
Свои испытывать глаза.

Иди, коль ветер, так на ветер,
Иди, огонь, так на огонь,
Я славлю тех, кого не встретил,
Протягиваю им ладонь.

Меж звёзд не значит граница.
Спешит в долину солнце с гор.
И сильным птицам в стаю сбиться
Стрелки мешают до сих пор...

Путь человеческий в ухабах,
И ты,
от Бога ждя вестей,
Не задевай крылами слабых,
Не шевели земных страстей!

БЕЛЫЙ САД

Сад мой белый, мой белый сад,
Я запомнил таким тебя:
Лишь неделю тому назад
Снеговел ты, весну трубя.

И взлетал от земли в дожди
Длинным шумом лебяжьих стай.
Сад мой белый, ты подожди,
Так внезапно не отцветай.

Сколько гроз на пути твоём,
Сколько солнца над головой.
И с тобою побыть вдвоём
Я хотел бы, весёлый мой.

Пусть над нами дрожит звезда
И заря разрывает тень,
Я не знаю – спешит куда
На рассвете рождённый день.

Белый сад мой, пурга, пурга,
На траве и на тальнике.
И смыкаются берега
Речки, льющей вдалеке...

* * *

Есть опыт неподатливей металла,
Он выгранен безжалостной судьбой.
И если мне отваги не хватало,
То я виновен – лишь перед собой.

Как танк, в боях покрытый гарью тёмной,
Я вышел в годы нервной тишины.
Но все мосты дороги неуёмной
Пока ещё ничуть не сожжены.

Хочу я ветра, свежести и звона,
Тревожистого шума камыша.
Я точно знаю:

даже у бетона
Там, в глубине, имеется душа.

Через беду вела меня удача,
Через боязнь – безумия тропа.
И проклят тот, кто, ничего не знача,
Давно смирился с участью раба.

Среди грядущей славы иль бесчестья,
Вблизи любимой женщины одной –
Жить и звенеть,
как холм весенней вестью
Иль океан рождённой волной.

ПОЮЩЕЕ СЛОВО

Мало быть доверчивой и милой,
Строгости наивность не умней.
Видел сон я: над моей могилой
Медленно распластывался змей.

Ты склоняла рядом, неусыпа,
Голову печальную свою,
В миг, когда под самый крест он ссыпал
Красную стальную чешую.

За холмами плакали метели,
Горы тьмы по рощам натекло,
Только мы уже с тобой взлетели
В звёздный мир, где мудро и светло.

Я всегда склоняюсь перед былью:
Бог карает злобу наперёд, –
Можно тело ранить,
ну а крылья
Никакой дракон не отберёт.

Круг за кругом, выше, выше, выше,
А внизу такая благодать –
Синева колеблется и дышит,
Смысла нет скорбеть и пропадать.

Музыка глухому не даётся,
Звёздный свет слепой не различит.
Если в сердце слову не поётся,
На губах оно не зазвучит.

ГОСТ ПОЭТА

Когда серебрится луна
Над спящими в поле холмами,
Мне кажется, это страна
Вокруг прирастает домами.

Но стоит суровой взглянуть –
Пустыня, аж сердце в испуге.
Мы сами расчистили путь
Бессчётными войнами выюге.

Какой ураган разгромил
Наследные избы и хаты?
Не встанут из братских могил
И нас не прикроют солдаты.

Так выпей же громче, поэт,
Тебе не прорваться к покою,
Опять из расстрелянных лет
Кричат журавли над рекою.

Вселенная слышит Христа,
Страдания длятся и длятся,
И ты ведь не можешь с креста
За птицами следом подняться.

Окончились пленом бои,
А взлёты – потерей орбиты.
И русские крылья твои
Гвоздями измены прибиты.

НЕСПОКОЙНО

Буря летает, гремит и клокочет,
Дуб ли упрямый свалить она хочет.

Ночь ли развеять, ворота ль снести, –
Жалость и боль у неё не в чести.

Дуб не поддастся, он выдюжит, сильный,
Ночь не поступится тенью могильной.

А на воротах замки и засовы,
Будто впаялись – железные совы.

Рядом с воротами лишними даже
Кажутся мне часовые на страже.

Буря звереет, и горя ей мало,
Лишь бы кому-то судьбу не сломала.

Лишь бы кому-то такая минута
Сердце не смяла внезапно и круто.

КОТЫ

Вам, имена провозглашающим
Лжелириков
и лжеправителей,
Вам, с умилением глотающим
Чесночный шницель покровителей,

Я говорю: «Кончай художества –
Лизать порог колонизаторов,
Сие пусть делают ничтожества
Из холуёв и провокаторов!»

Ты посмотри на них, красавица,
Они везде и всюду нужные,
Им получать награды нравится,
Кресты серебряножемчужные.

Я говорю им: «У, салонные
Коты,
жуёте и не каетесь,

Упитанные, пустословные,
Мурлычите, а не кусаетесь!»

И ты, сестра моя надёжная,
Не удивляйся жизни драмовой,
Будь с ними очень осторожной,
Когда спешишь тропинкой храмовой.

Скворцам о беркутах не плачется,
О, эти одовоскрешители,
Они ведь за крестами прячутся,
Как за углами
потрошители!

ЗА ТЕБЯ

Золотой листопад, звоном полны ветра, –
Это жизни моей золотая пора.

Золотая берёза шумит на пути,
Мне её, золотую, нельзя обойти.

Золотая луна закатилась во двор.
Вновь с тобой, золотую, веду разговор.

За тебя выпиваю я чашу до дна
Золотого, как горькая доля, вина.

БОЖЬЯ ЧАША

Серебряное льётся поле,
И холм отлит из серебра,
Моя душа на крыльях боли
К тебе летит через ветра.

Пусть за лесами небо ниже,
Но в свете серебристой тьмы
Я узнаю тебя и вижу
За белым облаком зимы.

Белым-бела округа наша,
Тебе, что ею спасена,
Серебряного луга чаша
Всевышним преподнесена.

Мне ж не соперничать с богами,
И я не зря прошу в пути:
«Ты разведи меня с врагами,
Владыка,
слышишь,
разведи!..»

Мне б целовать твои ресницы
И чёрные твои глаза,
Пусть после выюги в колеснице
В просторы вырвется гроза.

Я обниму тебя до стога,
Я припаду к твоим губам:
А предписания закона
Царями посланы рабам!

* * *

За каймою берёзовой, чёрною,
Белый снег, белый снег, белый снег.
Ну, пожалуйста, будь ты покорною
Для меня, не для всех, не для всех.

То не вечер над полем сгущается,
Не туманами плещут моря,
А печально и трудно прощается
С древним миром жар-птица, заря.

Полыхает окошко и светится
Через ветер в январскую ночь.
Вот и снова сумели мы встретиться,
Словно в горе друг другу помочь.

Скоро звёзды, морозом умытые,
Загорятся, и станет видней.
Этот вздох,
что под кофточкой вытаял,
Я пронёс через тысячи дней.

За каймою берёзовой, чёрною,
Белый снег, белый снег, белый снег.
Ну, пожалуйста, будь ты покорною
Для меня, не для всех, не для всех.

ПАРЯЩИЙ НА ОБЛАКЕ

Устаю, тоскую, сомневаюсь,
Доверяя сердцу и глазам.
Никому в друзья не набиваюсь,
Сам иду,
одолеваю сам.

Разве мало на дорогах грешных
Радостно
у долов и раки
Я встречал богатырей мятежных,
А к плечу притронешься – рахит!

Высоты и пропасти слиянье,
Реки сохнут, и земля горит,
Орден о помпезное сиянье
Щедро о собрате говорит...

А с незаменимых взятки гладки.
Неужели я тому виной,
Что, как поседевшие солдатки,
Слепнут звёзды за моей спиной?

Кружатся и кружатся просторы.
Птица наважденья верещит.
И куда ни кину ночью взоры,—
Меч ржавеет, косянеет щит.

Не Христос, на облаке парящий,
Это я хочу – не вдалеке
Встать над миром с розою горящей
В сильной и не бронзовой руке!..

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Бабахали, снарядами сжигали,
И посреди тяжелокрылых волн
Они неплыли, а в огонь шагали,—
Так невелик был их кораблик-чёлн!

Какие там нарушены границы?
Под скрипы проржавелых якорей
Они хотели к берегу пробиться,
В дверь постучать забытую скорей.

А горы отдалялись за кормою,
И, посылая облакам «винты»,
Из бездны, осаждаемые тьмою,
Рвались и в бездну плюхались киты.

Что есть живому счастье и потеря:
Любимая или материн завет?
У человека – Родина, у зверя –
Вот эта синь, вот этот звёздный свет!

Недаром папоротник расцветает,
Слезой страдания зовёт с холма,
А в летней Антарктиде лёд не тает –
За айсбергами прячется зима.

Стремящийся к семейному порогу
Не пропадёт, не сломится в пути.
Пусть очень скупой, очень понемногу,
Звезда судьбы, свети ему, свети.

По суетно-доверчивой причине
Мы в непогодь не раз вовлечены.
Да не погибнут никогда в пучине
Расстрелянные злобою челны!